

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

В малой ектении, в той самой, которая «паки и паки», которую даже Пуговкин знает в фильме про Ивана Васильевича, есть слова: «сами себе, и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Слова эти в службах повторяются чаще многих других. Что слышно в них?

Слышен очень радикальный призыв, частота повторения которого говорит о высшей степени важности. Слушать бы службу сердцем... Эх, научиться бы слушать службу сердцем! Вся жизнь получила бы возможность вскиснуть от евангельской закваски. И ум, и душа, и тело. Все три меры муки. В противном случае привычные слова скользят по замысленному слуху, ничего особенного не принося ни уму, ни сердцу. Как в кино. Паки и паки... Ваше Сиятельство... Иже херувимы... Зело на самолет опаздываем...

Итак. Первое и третье – «сами себе» и «весь живот наш» – это ни больше ни меньше как апология мученичества. Мученики и есть те, кто отдал Богу себя всего и ничего для себя самого в своей жизни не оставил. Это – гвардия Небесного Царя. Царь Себя за рабов истощил – рабы себя за Царя на всякую муку полностью отдали. В этой взаимоотдаче они нераздельны. Отдали имущество, таланты, силы, земную славу и покой. Готовность на всякое терпение и страдание показали. И была в них какая-то такая чудотворная окрыленность и устремленность в будущую жизнь, что невидимое и грядущее было для них реальнее всего очевидного. Это – мученичество. «Сами себе» и «весь живот наш» – это внутреннее содержание мученичества. Остановимся теперь на серединке.

«Друг друга» тоже нужно «предать» (передать) Господу. Каким образом и что это значит? Это апология чего? Себя самого толком далеко не каждый начал отдавать Христу Богу. А нужно еще как-то ближнего Христу Богу препоручить. А это, братья и сестры, апология общинной жизни. Не слышите ли вы в этом возгласе голос молящейся общины? То есть духовной семьи, где все всех знают, где нет случайных и никому не знакомых людей, где чужие нужды всем известны и об этих нуждах переживают. Я думаю, что этот голос древней литургической и общинной практики чудесно сохранился в нашем богослужении и слышен именно в этой фразе.

Ведь практически, фактически, бытийно и реально (скажи как хочешь) люди сегодня приходят в храм «для себя» и ради себя. Ничего мы часто предавать, дарить и жертвовать Богу не собираемся. Мы, напротив, собираемся брать что-то у Него. Здоровья, семейного мира, новой и лучшей работы, решения проблем. Всего этого мы «у Господа просим». «Поддай Господи» – гораздо более понятное прошение, нежели слова «Тебе Господи». А тут, оказывается, еще нужно предавать Господу не только себя, но и друг друга. Для этого нужно элементарно хотя бы знать тех, кто стоит на молитве рядом. Пусть не всех, но часть из них, лучше – большинство. И нужно знать их нужды, чтобы молиться не только о себе да о своем, но и о том парне, чей локоть ты чувствуешь, чей голос глушит твои уши во время «Верую».

Я так понимаю, что голос богослужения – это голос

10 февраля Церковь совершает память преподобного Ефрема Сирина (ок. 306-373), одного из великих учителей Церкви IV века, богослова и монаха-подвижника, автора покаянной молитвы «Господи и Владыко живота моего...», читаемой Великим постом.

Предлагаем вашему вниманию избранные фрагменты из творений преподобного отца нашего Ефрема Сирина.

Блажен и троекратно блажен тот, кто не повредил языка своего злословием других, кто языком не осквернил сердца, но разумеет, что все мы состоим под наказанием, и не услаждается злословием других, но раздражен против этой страсти. Ибо кто не злословит другого, тот соблюдет себя неукоризненным.

Кто услаждается злословием других, тот ясно показывает, что сам уловлен тем, за что злословит других. Ибо, кто злословит другого, тот сам себя осуждает. Он человек плотский, запутавшийся в сетях мира. В злоречивом все есть: и клеветничество, и ненависть, и наущничество; поэтому признается он братоубийцей, безжалостным, немилосердным. А кто всегда имеет в себе страх Божий, и у кого сердце чистое, тот не любит злословить других, не услаждается чужими тайнами, не ищет себе отрады в падении других. Поэтому подлинно стоит слез и плача, кто приучил себя к злоречию. И что этого ненавистнее? Почему и святой Апостол, запрещая дела порочные, причисляет к творящим их и злоречивого: «ни досадители, ни хищники царствия Божия не наследят» (1 Кор. 6, 10).

И своим и чужим делай добро, сколько можешь, и доброму и злему говори доброе слово.

Предания, гораздо более глубокий, чем даже история отдельной поместной Церкви. Это голос Вселенского и Апостольского предания. Какая радость и какое чудо, что мы не выдумываем и не изобретаем богослужение, на что, скажем, обречены милейшие и наивнейшие протестанты. Не лютеране и не англикане. У тех своя многовековая культура,

чаще всего квазикатолическая, с органами, витражами, облачениями и богословской наукой. Речь о «наших» учениках американских харизматов. Эти просто обязаны выдавливать из себя радость и изображать восторг под звуки синтезатора. Они хвалят раскачиваясь, просят выкрикивая и благодарят с закрытыми глазами. Они, наморщив лоб, со сцены произносят импровизированные молитвы. И если тебе придется присутствовать при этом, то неизбежно почувствуешь стыд и жалость. Потому что это хоть и искренно, но очень наивно, а по отношению к истории Христовой Церкви еще и невежественно.

Но это не повод нам самим гордиться. Наше православное, просеянное сквозь сито столетий богослужение, первыми звеньями своими прикрепленное к апостольским служениям, а в конце цепи дошедшее до нас самих, должно быть нами прочувствовано и понято. Иначе мы произносим великие слова без должного к ним отношения, без воплощения их в реальность. В нем, богослужении, апостольское учение выражено не менее ярко и убедительно, чем в апостольских писаниях. Дело за «малым»: слушать, как выше сказано, службу сердцем, отдавая себе отчет в том, к чему зовет служба и что видно на самом деле. Разница ведь серьезна. Хранение апостольских формул – вероисповедных и молитвенных – требует возгорания апостольского духа, без которого сами формулы выветрятся и обессилеют.

Итак, третье прошение малой ектении властным образом напоминает нам ежедневно и многократно о том, что Церковь – это более семья, нежели место уединенных молений отдельного человека. Да, и в семье должно быть свое пространство у каждого ее члена. Но общие потребности семьи, ее нужды, необходимая взаимопомощь одни только способны оправдать имя «семьи». Точно так же должно быть и в Церкви.

Вы ходите в храм. Прекрасно. Знаете ли вы кого-то из тех, кто ходит молиться сюда же? Известны ли вам нужды тех, кто вам знаком? Знаете ли вы, о чем они вздыхают, просят или плачут? Подставляете ли вы хоть по временам свое слабое плечо под крест, несомый ближними? Пробовали ли хоть раз? Это не докучливые вопросы человека, лезущего к вам в душу. Это попытка донести до наших с вами умов и сердец лишь часть смысла малой ектении. Третьего ее прошения. Скорее – призыва. И таким же образом, надо полагать, стоит пройти по всему тексту наших основных служб, которые составлены не для дяконских только вокальных упражнений, но главным образом для внесения нового смысла в повседневную жизнь нашу. Нового смысла и силы Духа Святого, несомненно, дышащего в православном богослужении.

Протоиерей Андрей Ткачев

Когда согрешишь, не жди обвинения от другого, но прежде нежели обличен и оговорен, сам себя обвини в сделанном; приступи к исповеди и не стыдись. Когда делал постыдное для себя, ты не стыдился; ужели же устыдишься теперь слов, оправдывающих тебя? Говори здесь, чтобы и против воли не сказать там. Исповедь во грехах служит к уничтожению прегрешений. Бог хочет услышать от нас грехи наши не потому, что не знает их, напротив того, Ему угодно, чтобы мы чрез исповедь пришли в сознание своих грехопадений.

Не то беда, что борют нас страсти и мы должны бороться с ними, но то бедственно, если, поблажив себе, падем пред сопротивниками. Противостой же палящей тебя похоти, чтоб избежать никогда неугасающего пламени. Если раз победит тебя страсть, то не отступит, но еще более будет нападать на тебя. Будь же внимателен к себе, чтоб не лишиться тебе славы лица Божия.

Упражняйся в добродетели, не приходя в уныние от трудов, потому что без трудов не познается добродетель.

Думай о хорошем, чтобы не думать о худом, потому что ум не терпит быть в праздности.

Когда начинаешь читать или слушать [Священное Писание], помолись Богу так: «Господи Иисусе Христе, отверзи уши и очи сердца моего, чтобы мне услышать Твои слова и понять их, и исполнить волю Твою». Всегда так моли Бога, чтобы просветил твой ум и открыл тебе силу Своих слов. Многие, надеявшись на свой разум, подверглись заблуждению.

Вопросы священнику

Как быть, если в моем присутствии осуждают, и требуется мой ответ на это, поддержка собеседника. При этом возразить нечего, все, что говорят о человеке, осуждая его действия – абсолютно верно?

Я помню случай: как в присутствии пожилой монахини, по имени Аркадия, один прихожанин осуждал священнослужителей. Мать Аркадия молча слушала его, а затем сказала: «Я вижу, что вы прозорливы – все мои грехи рассказали». На этом разговор закончился. Еще был подобный случай. К иеромонаху В. со- брались духовные чада для беседы. Одна из присутствующих стала осуждать свою сестру за то, что та не слушает своего духовного отца и не исполняет положенного правила, и просила, чтобы иеромонах В. вразумил ослушницу. Тот в ответ сказал: «Сестры, помолимся вместе о исправлении и спасении нашей сестры». Все встали. Иеромонах начал молиться и при этом класть земные поклоны. Присутствующие также повторяли за ним поклоны и слова молитвы. Хотя иеромонах был нездоров, но поклоны клал легко. После 50-ти поклонов, он, как ни в чем не бывало, стал продолжать беседу, а затем отпустил своих духовных чад. Говорят, что те по дороге ругали ябедницу, что из-за нее им пришлось до усталости класть поклоны. Если вы не сможете подражать этим примерам, то по крайней мере ответьте: «Господь будет судить каждого по его грехам, а не по чужим».

Когда я жертвую что-то на монастырь или нуждающимся, у меня возникает очень эмоциональное чувство радости. А вскоре появляется мысль, что это прелесть.

Радость, о которой вы пишете, вполне естественна. Это радость от голоса вашей совести, который говорит, что вы поступили правильно; это чувство соприкосновения души с благодатью. Духовная прелесть начинается с другого: с высокого мнения о своих достоинствах, притязаний на особые откровения и, вместе с тем, самоуверенности и гордости. Признак прелесть – презрительное отношением к людям и вера своим мнениям.

Мой муж увлечен компьютерными играми, это единственная для него отдушина, все свое свободное время он проводит в игре, относится к ней как к реальности. Он очень раздражителен, бывают приступы злобы, по отношению ко мне начал проявлять такое хамство, которого раньше себе не позволял. У нас двое маленьких детей и я полностью от него завишу, т.к. не работаю и родителей у меня нет. Мы практически не разговариваем, постоянные скандалы. Можно ли что-то исправить в семье при таких отношениях, как вернуть себе уважение мужа?

Компьютерные игры, особенно когда они становятся главным увлечением жизни, ведут к умственной и нравственной деградации подобно наркотикам. Поэтому смотрите на увлечение супруга как на болезнь, трудно поддающуюся лечению. Неполладки в семье и эмоциональный холод со стороны супруги заставляют мужа искать забвения от действительности в виртуальном мире компьютерных игр. Одним из средств его излечения могла бы быть ваша любовь. Если возможно, то перемените свое отношение к нему; дайте почувствовать ему тепло родного дома, а не иллюзорного мира, в который уходит и как бы прячется его душа. Ситуация, когда семья проживает вместе, а муж и жена не разговаривают друг с другом, переходит в затяжной стресс. Человек чувствует себя чужим и ненужным в своем собственном доме; по сути дела, он стал беспризорным, и как беспризорный находит приют где-то на чердаке, так и ваш муж поселился в компьютере. Все можно исправить молитвой и терпением. Чтобы муж уважал вас – научитесь уважать мужа. Чтобы муж любил вас – возвратите ему ту любовь, которой любили его в лучшие годы вашей жизни.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

НОВОСТИ
05.02.2017. Жители Украины не поддерживают создание «единой поместной церкви». По данным результатов социопросов, с тезисом о том, что «единая поместная православная церковь не нужна, потому что это будет ограничивать права граждан на выбор конфессии», согласны 32% респондентов, 24% высказались против, а 44% не определились. При этом тезис о том, что власти и политики не должны вмешиваться в церковные дела, поддержали 36% опрошенных, 19% высказались против и еще 46% не определились.

06.02.2017. Варварски ограблены два храма Одесской епархии. Похищены деньги, собранные верующими для оказания помощи беженцам.

07.02.2017. В Мьянме с 2011 г. правительственными войсками уничтожено более 60 христианских церквей. 88% населения Мьянмы являются буддистами, 6% – христианами и 4% – мусульманами.

08.02.2017. В Хевроне исламисты «Хизб ут-Тахрир» протестуют против передачи земли Русской Церкви.

«Ваша философия» и другие рассказы протоиерея Алексия Лисняка

Продолжение. Начало в №37 (377)

...В окно класса стучался осенний дождь. Алгебра совсем не лезла в Константинову голову. Он смотрел на доску, но видел перед собой только белобрысую рожу Веги, его блестящее колечко в ухе. За такие колечки, как ему когда-то объясняли, «хиппарей штрафуют». «А этот... надо же, ухо проколол. Видать, никого не боится. Говорят же, что в колонии побывал». Леха косился на покрасневшее ухо новенького и ухмылялся:

— Что, познакомился с этим? Узнал, с чего его Вегой кличут? Ненавистная физиономия мерещилась в глазах. Костик не мог считать на алгебре то, что ему задавали — он считал в уме деньги, которые предстоит теперь где-то добывать, чтобы купить белобрысому сигареты. А еще Костик понял, что боится. Он впервые боялся и не знал, как ему быть. Пожаловаться? А кому? Друзей здесь еще не нажил. Матери? Куры засмеют. И драться бесполезно — Вега на голову выше и в плечах прилично шире будет. Ох, заживется теперь Костику на новом месте! Да и Соплей еще называться не приходилось...

От досады наворачивались слезы...
...Матери дома не было. «Это хорошо — не спросит про опухшее ухо, не придется врать». Костик проверил свой новый тайник в новом шкафу, куда он недавно перепрятал карманные деньги, пересчитал его содержимое и понял, что трех рублей, которые у него скопились, надолго не хватит. Где брать еще — задача неразрешимая. Мать получает, как все — сто двадцать, и других поступлений в семье не бывает. В холодильнике Костик нашел остатки завтрака — вареную картошку. Разогрел ее, но еда не лезла в глотку. Слезы душили. Он решил заняться уроками, уселся в комнате на койку и открыл дневник. Оказалось, что он и задание не записал, от обиды.

Немного погодя Константин оделся, спустился к подъезду и уселся на скамейке. Мимо спешили редкие прохожие, но и этого хватало, чтобы чувствовать иллюзию чьего-то участия.

Селялась морось, разыгрывался противный ветерок. В этот час Константину показалось, что нет на земле существа более одинокого, чем он. Из-под скамейки послышалось жалобное «мяу». Костик нагнулся и извлек оттуда мокрого дрожащего котенка. «Бедненький». Когда он взял дрожащий комок на руки, ощутил себя совсем не таким уж и одиноким. «Хоть кому-то я здесь нужен». Котенок пригнулся и принялся мурлыкать. Костик засунул его за пазуху, и тот перестал дрожать, задремал. Народ потянулся с работы. В окнах школы засветились яркие огни — заканчивалась вторая смена. Генеральный секретарь все так же бесстрастно следил со школьного фасада за своими подопечными гражданами.

Вскоре к подъезду подошла и Костикова мать. Хорошо, подумалось, что уже сумерки, а то увидала бы ухо, стала бы пытаться. Мать спросила, купил ли Константин хлеба?А про хлеб-то он за весь день ни разу не вспомнил! Она вручила ему два гривенника и отправила в гастроном.

Уже с буханкой белого и котенком за пазухой Костик навещался в бакалейный отдел, поглядел, сколько стоят сигареты «Вега», и окончательно сник.

На улице почти стемнело. У входа в гастроном качался на ветру фонарь...

Обратной дорогой, когда он проходил подле темных гаражей, послышалось, как чей-то незнакомый хриплый голос его окликнул:

— Э, Сопля! Сюда иди! Костик оторопел. Выходит, так здесь его будут звать теперь все! Он остановился, оглядел темноту. В гаражном просвете толпились трое. К ним откуда-то услужливо подбежал четвертый, тут же получил в ухо, пригнулся и залепетал:

— Слышь, кончай, я обещаю, все сделаю...
От следующей затрепачины его лепет прервался. Тот, кого называли Соплей, захныкал, а один из подозвавших ему внушал:

— Ты знаешь, Сопля, что у нас в армии с такими делали?! Знаешь?! — и засветил несчастному в глаз.
Сопля жалобно зачастил, что он все сделает, как обещал, что он все понял. В завершение Костик расслышал, как тот, кого звали «Сопля», умолял не бить его и жалобно добавил, что в чем-то клянется: «Век воли не видать».

Трое заржали: «Гляди-ка, и где только словечек блатных хватался!» Двое Соплю развернули, третий поддал ему пинка. Тот, кого называли Соплей, ветерком пронесся мимо Костика, что-то выронил, исчез во дворах, а трое растворились в темноте между гаражей.

Костик отправился к дому, машинально поднял то, что выронил убежавший.

На восьмом этаже светится окно его кухни: «Мать готовит ужин». За пазухой заворочался котенок, и Костик впервые подумал о том, что взять его в дом мать вряд ли позволит. «Но ведь можно хотя бы попытаться?» Ему до икоты стало жалко всех бездомных котов. Его теперь распирало чувство сострадания и жалости ко всем, кого бьют и унижают. Ко всем, за кого некому вступиться. Чувство обиды за себя куда-то вдруг провалилось и затерялось там. Обидно стало за того, другого, который вот только что побывал в его — Костиковой — шкуре.

Морось прекратилась, показались звезды. Фонари на школьном дворе тускло подсвечивали моложавого генсека КПСС, казалось, что глава государства выглядывает из тени всех витит. Костик вошел в свой сухой теплый подъезд, пахнувший краской. Вызвал лифт.

По квартире плавал аромат пельменей. Мать велела Костику раздеваться и садиться ужинать. И котенку она отчего-то обрадовалась.

Когда Костик водружал на гвоздь свою куртку, из кармана выпало то, что он поднял там, на пути из гастронома. Это была пачка «Веги» с остатками сигарет. Из-за полиэтиленовой пленки выскочило и запрыгало по полу блестящее алюминиевое колечко-клипса. Это колечко Костя сегодня уже видел и хорошо его запомнил. Он его подобрал, понес вместе с пачкой к мусорному ведру. Мать увидела и отобрала:

— Скоро дед приедет погостить, он болгарские уважает. Знаешь ведь, у него в деревне кроме самосада курева теперь не достать. Помнишь, как ты ему из города наши курские «Столичные» от меня передал? А он попробовал — и в печку? Хе-хе! Дрянь, говорит, забудьте, говорит, как в мой дом всякую вонючую ерунду волочь!

Мать зачем-то вынула из болгарской пачки сигареты и с удивлением прочла на них: «Столичные Курск». Плонула:

— Тьфу! Дрянь! А туда же — Вега! Чуть деду не подсунили! Костик улынулся. Он и сам знал, как должно относиться к ерунде. К «вонючей ерунде». В любом случае не бояться.

Наше наследство

Одному моему знакомому священнику как-то раз улыбнулось лично поучаствовать в народном обряде. Сам мне по секрету открыл. Дело было так.

После семинарии, когда ему едва исполнилось двадцать три года, он получил назначение в сельский приход. Сразу туда и отправился. Село не маленькое, старинное. Церковь в селе разрушена. Батюшка — в ту пору он еще обладал здоровьем, глаза, что называется, горели — вдохновенно принялся за дело возрождения.

Не прошло и недели, как его пригласили на поминки, сороковой день кому-то подошел. Священник помолился с людьми в доме усопшего, затем посетил его свежую могилку. Всюду батюшку сопровождал благообразный старичок по прозвищу Петрович, который в отсутствие батюшки руководил на селе всеми благочестивыми традициями. И вот священник, Петрович и сродники усопшего вернулись с погоста в дом, где уже накрыт поминальный стол. Кадило повесили на гвоздь, совершили у стола молитву, пропели «Вечную память». Батюшку усадили во главе стола, Петровича рядом с ним, «как-никак одно дело делают».

Наполнили чарки, воцарилась тишина, и батюшка произнес в утешение родственникам доброе слово о вечной жизни на небесех. Петрович предложил молодому настоятелю выпить первым. И пока в мертвой тишине священник тянул из своей стопки вонючий самогон, Петрович положил на его тарелку закуску — темный мягкий, распаренный блин. Забрал у настоятеля опорожненную стопку и указал, что надо, мол, закусить именно этим блином: «Традиция». Батюшка принялся откусывать от прогорклого блина. Пока он ел, народ сидел с поднятыми стаканами и молча взираал. Когда же священник проглотил последний кусок, Петрович воскликнул: «Все! Понеслась душа в рай!» Тут стаканы с грохотом сдвинулись, застолье зашумело и понеслось. Под поминальный гвалт священник поинтересовался у Петровича, что, мол, все это обозначает: тишина, блин на закуску, «понеслась душа в рай»? Тот был удивлен, что священника в семинарии не обучили таким знаменитым исконным

обрядам, и восполнил пробелы в настоятельских знаниях:

— Попа до тебя у нас лет семьдесят уж как не было, но вот этот обычный все мы знаем. Жила когда-то в нашем селе заветная монашка, от гонений спасалась, что ли. Она-то меня и научила. Когда свежего покойника укладывают во гроб, для него, чтоб душе не было голодно, требуется испечь блин. Единственный. Ну, съесть-то его покойник, знамо, не может, вот и укладывают этот блин ему на лицо. Три дня, покуда мертвец в доме, полагается читать Псалтырь. Ну и блин на лице маслить, чтоб не засох. Потом покойника — на погост, ну а блин — во святой уголок, под иконки. Священное это все, испокон. Ну а на сороковой день блин с образов сымают, отпаривают и старшему, самому почетному на поминках, полагается священный тот блин вкушать. Как съел — не поперхнулся, так, стало быть, и понеслась душа в рай. И людям отрадно, что так все, свято от века.Раньше тот блин я вкушал, ну а теперь у нас батюшка есть. Вот ему-то, то бишь тебе...

Настоятеля тогда шишко скрючило. Побежал, даже кадило не успел с гвоздя подхватить.

И традицию эту народную батюшка в своем приходе сразу же пресек. Поселяне было возмутились, да благо Петрович оказался старичком душевным и кротким, сам отнесся к настоятельским новомодным распоряжениям с пониманием и людей успокоил:

— Батюшка, — говорил Петрович, — молодой, городской, желудком слабый. Вы уж другой раз тот блин потихоньку мне... того... пока он не видит. А то как же... надо ведь как положено, чтоб душа... в рай. Обычай все-таки.

* * *

До рассвета еще целый час. Именно в такое время Петровна спешит в один из домов, где сорок дней назад кто-то представился. Ее голова обязательно закутана в черный платок. Зимой и летом — одним цветом. Черная юбка тянется по земле, под мышкой таинственная книга, утратившая от ветхости свой переплет. За такой необычный образ местные обыватели прозвали Петровну монашкой. Она этим своим прозвищем гордится и высоко задирает нос.

Петровна не слыхивала о загробных мытарствах души, Петровна ничего и знать не хочет про Божий суд. В церкви Петровна не бывает и, разумеется, не верит, что когда в сороковой день душа усопшего становится перед Господом, родственникам надо бы молиться, усердно просить, чтобы Бог простил усопшему грехи и допустил его до райской жизни. Такие подробности Петровну не занимают.

— Покойнику теперь все равно, а нам, — говорит она, — надо сделать как положено. Как испокон веку делали. Чтоб никто не осудил.

И спешит скорее править свою «сорокоушку».

Вот по ее приказу посреди дома установлен стол — сорокоушка стартовала. На столе — хлеб, чтобы кормить душу, вода, чтобы душу умыть, рушник, чтоб вытирать душе физиономию. Ну и водочка, чтоб душу поить и утешать. На закуску душе усопшего — холодец. Ну а если пост, то уж, как водится, по-постному — колбаса. Лучше мягкая «Любительская», ведь с зубами у Петровны дело дрянь. Монашка сама от имени покойного опрокидывает стопку, долго беззубо закусывает колбасой. Родственники выстроились поодаль, перешептываются:

— Во, хорошо душе, правильно, что не самогон выставили, а на «Столичную» раскошелились.

Монашка прожевала, стоит задумавшись. Наливает еще. Сродники в недоумении:

— Гляди ты, первая не пошла! Видать, у покойника грехов!..

Петровна опрокидывает вторую, кряхтит, занюхивает буханкой. Зажигает свечу, раскрывает свою замусоленную книгу. Косоглазо в нее глядит, щурится, начинает что-то бубнить. Родственники облегченно вздыхают:

— Слава Богу, покойнику теперь радость. Улетит, как миленький! Ну как бы мы без Петровны.

Монашка заводит свое ритуальное пение сперва полупешотом, гугниво. Потом «Столичная» Петровну румянит и ее голос крепнет, крепнет, крепнет... И вот уже внятно промелькивают отдельные жеванные фразы «издревлей молитвы»:

— Отче наш... Ерусалим-Бугуруслан... кипарис-земля сырая... устала-приуснула... дева поднебесная... аллилуйя-ладанка... поникли лютики... живая помощь...Исус Христос... на нем защитна гимнастерка... вода студена... аминь-аминь-аминь... аминь-аминь-аминь...

Окончание следует

Отметим Говорил авва Исаия: «Постоянно внимай помыслам, говорящим с тобою внутри тебя, и моли Бога, чтоб даровал тебе разуметь, каким из этих помыслов должно повиноваться и какие отвергать».

Также говорил: «Не желай узнавать о действиях и совещаниях, происходящих в суетном мире, и не пересказывай о них другим».

Еще говорил: «Всеусильно старайся не произносить устами одного, имея другое в сердце».

На прошение назидательного слова, авва Исаия сказал: «Если хочешь последовать Господу нашему Иисусу Христу, то соблюдай заповедания Его. Если хочешь распать с Ним ветхого твоего человека: то устрани от себя тех, которые сводят тебя с креста, и приготовь сердце твое переносить благодушно уничижение, любить оскорбляющих тебя, смиряться пред всеми, обуздывать свои пожелания. Молчи языком и устами, не осуждай никого в сердце твоём».

Он же сказал: «Безмолвствующий должен соединить с дыханием своим ощущение страха Божия и размышлять постоянно о том, как предстать ему на суд Божий. Нет страха Божия в человеке, если сердце его повинется греху; он далек еще от милости Божией».

Также: «Блажен облекшийся в нового человека прежде, нежели предстать ему на суд Христов: потому что «плоть и кровь, — как говорит Апостол, — царствия Божия наследити не могут» (1 Кор. 15, 50))».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!